

Дойдя до ворот одного из домов в Переулке Коричника, Линь Ду велел А Иню постучаться. Когда ворота открылись, А Инь тут же удивился:

— Сяо Дао?

Сяо Дао тоже был удивлён, увидев А Иня, а затем, заметив Линь Ду, выглядывающего из повозки, поспешил ему навстречу. Линь Ду, вылезая, шатался так, что Сяо Дао и А Инь едва смогли его удержать.

Линь Ду хитро ухмыльнулся и лёгко фыркнул.

Пьяница, который ухитряется улыбаться с хитрецей, — А Иню показалось, что ему просто померещилось.

Линь Ду, опираясь на стену у ворот, крикнул в сторону повозки:

— Выходи, вылезай скорее!

Цэнь Цзибай был настолько пьян, что уже никого не узнавал и лишь хотел провалиться в сон. Даже если бы Линь Ду позвал его или попытался вытащить, ничего бы не вышло.

Не дождавшись никакого движения, Линь Ду вскарабкался на подножку повозки, чтобы отдернуть занавеску. А Инь и Сяо Дао попытались его остановить, но он лишь завопил ещё громче. Раз уж Сяо Дао был здесь, значит, и Линь Цзинь должен быть дома. Услышав шум снаружи, Линь Цзинь окликнул слугу из комнаты:

— Сяо Дао, что там?

Сяо Дао уже собрался ответить, но Линь Ду, услышав голос, перекричал его:

— Иди сюда, быстрее! Я тебе кое-что привёз!

Он захлопал в ладоши и рассмеялся:

— Привёз, ха-ха!

Линь Цзинь уже подошёл к воротам. Увидев А Иня и услышав пьяные речи брата, он смутно догадался, в чём дело. Линь Ду, заметив его, потянул его к повозке, хвастаясь:

— Вот, вот он, ха-ха! Теперь он твой.

Он замолчал, беспокойно огляделся, убедился, что никого посторонних нет, и таинственно придвинулся к уху Линь Цзиня, понизив голос:

— Он пьян, хи-хи, пьян... Теперь он твой, делай с ним что хочешь...

Не успев договорить, он обмяк и свалился на Линь Цзиня. Он был смертельно уставшим, и, едва сомкнув веки, провалился в сон.

Сяо Дао подошёл, чтобы забрать Линь Ду, а Линь Цзинь взглянул на повозку. Цэнь Цзибай тоже был пьян и спал, свернувшись калачиком в углу, выглядя при этом довольно жалко.

Сердце Линь Цзиня дрогнуло. Он велел А Иню помочь Цэнь Цзибаю выйти, и они вместе отвели его в спальню.

Сяо Дао, поддерживая Линь Ду, тоже направился внутрь, но Линь Цзинь обернулся, слегка нахмурившись, и с оттенком раздражения сказал:

— Отвези его домой.

В его доме было всего две спальни, и он не мог оставить второго брата в комнате Сяо Дао. Поэтому лучше было отправить его домой. Свою же комнату он, естественно, оставил для Цэнь Цзибая.

А Инь нагрел воды и, наблюдая, как Линь Цзинь умывает лицо Цэнь Цзибая, с удивлением спросил:

— Третий господин... маркиз, как вы оказались здесь?

Линь Цзинь уже получил титул маркиза, и хотя семья Линь не придавала этому большого значения, А Инь, как приближённый Цэнь Цзибая, обязан был проявлять должное почтение.

Линь Цзинь на мгновение замер, а затем сказал:

— Иди отдыхать, здесь всё в порядке.

А Инь, видя, что тот не хочет объяснять, и зная, что Линь Цзинь не слишком его жалует — ведь именно он однажды предложил связать Цэнь Цзибая во время кошмара, — с радостью удалился, чтобы не раздражать третьего господина Линь и не навлечь на себя неприятности.

В конце концов, пока Линь Цзинь здесь, с Цэнь Цзибаем ничего не случится.

Цэнь Цзибай был тихим пьяницей: не шумел, не буянил и мирно проспал около получаса. Затем он вдруг сел на кровати, и его начало мутить.

Линь Цзинь поспешно отложил бамбуковые свитки. Под рукой ничего не было, но он заметил на полке широкую вазу с ветками сливы. Вытащив ветки, он поднёс вазу Цэнь Цзибаю.

Цэнь Цзибай последние дни был в подавленном состоянии и плохо ел. Сегодня утром он съел лишь полчашки рисовой каши, а в обед и вовсе ничего не ел, только выпил крепкого вина. Поэтому, мучаясь от тошноты, он смог выплюнуть лишь немного кислой жидкости с запахом алкоголя, которую как раз успела поймать поданная Линь Цзинем ваза.

Линь Цзинь подал ему чай, чтобы прополоскать рот. Цэнь Цзибай прополоскал дважды и, увидев руку, вытирающую с его губ воду, понял, что это не рука А Иня. Он проследил взглядом за рукой и, увидев Линь Цзиня, широко раскрыл глаза, не в силах вымолвить ни слова.

— Не узнаёшь? — с усмешкой спросил Линь Цзинь.

Цэнь Цзибай всё ещё смотрел широко раскрытыми глазами, но его руки поднялись и ухватились за ладонь Линь Цзиня, словно за драгоценность. С криком «саньгэ» его глаза перестали быть круглыми от изумления, а вместо этого засветились улыбкой, которая становилась всё шире и шире. Линь Цзинь другой рукой щипнул его за щёку, но Цэнь Цзибай схватил и эту руку.

Линь Цзинь спросил:

— Как ты оказался с моим вторым братом в таком пьяном виде?

Цэнь Цзибай на самом деле ещё не протрезвел, но узнал Линь Цзиня и, удерживая его руки, не отпускал, только глупо улыбался и повторял:

— Саньгэ...

Снова и снова.

Линь Цзинь приподнял бровь. Попытался высвободить руку, но не смог, поэтому только посоветовал:

— Ты пьян, ложись спать. Поговорим, когда протрезвеешь.

Цэнь Цзибай покачал головой, всё ещё не отпуская его, и снова позвал:

— Саньгэ.

Через мгновение добавил:

— Почему ты не отвечаешь?

Линь Цзинь был в замешательстве. Что он должен делать с этим пьяным дураком?

Думая о последних событиях, Линь Цзинь тоже разозлился и сказал:

— Саньгэ, саньгэ... Почему ты не зовёшь кого-то ещё? У тебя ведь есть А Инь, есть маленькая госпожа?

Цэнь Цзибай с трудом понимал, что тот говорит. Какое серебро, какая госпожа? Он не мог понять, с трудом моргнул и возразил:

— У меня есть только саньгэ.

Линь Цзинь усмехнулся:

— Кто хочет быть твоим саньгэ?

Без кровного родства...

Хотя, конечно, они были знакомы давно. Просто Линь Цзинь не хотел, чтобы Цэнь Цзибай воспринимал его только как старшего друга.

Цэнь Цзибай, будучи пьяным, услышав, что Линь Цзинь не хочет быть его саньгэ, сильно расстроился и снова позвал его несколько раз, но Линь Цзинь не отвечал.

Он так разволновался, что глаза его покраснели. В его памяти саньгэ всегда носил золотую маску, а сейчас этого человека не было. Кроме того, его саньгэ...

Цэнь Цзибай вдруг вспомнил самое яркое воспоминание своей жизни, отпустил руку Линь Цзиня и тихо сказал:

— Ты не мой саньгэ.

Он закрыл лицо руками и прошептал:

— Саньгэ нет... Его больше нет...

Линь Цзинь был на грани ярости. Он сидел здесь, живой и здоровый, а Цэнь Цзибай говорил, что его нет. Это было невыносимо.

— Я здесь, живой! Куда я пропал? Ты что, хочешь, чтобы меня не было?

Цэнь Цзибай услышал это, открыл глаза и некоторое время смотрел на Линь Цзиня. Затем потянулся к его лицу, потрогал его, похлопал по руке, снова потрогал, словно проверяя, настоящий ли он.

Линь Цзинь, не выдержав, схватил обе руки Цэнь Цзибая и пристально посмотрел на него:

— Рассмотрел?

Его голос был низким — он действительно злился.

Цэнь Цзибай был в замешательстве. Перед ним стоял его саньгэ, настоящий.

Саньгэ с маской и без маски смешались в его голове, создавая путаницу. Цэнь Цзибай схватился за голову, снял головной убор, растрепал волосы, встряхнул головой и снова посмотрел на Линь Цзиня, снова позвав:

— Саньгэ?

Линь Цзинь тихо «угу» ответил. Цэнь Цзибай, услышав его голос, наконец убедился, что это его саньгэ, и обнял Линь Цзиня, удовлетворённо улыбаясь.

Линь Цзинь, не имея выбора, обнял его в ответ. Цэнь Цзибай так крепко обнимал его, что Линь Цзинь захотелось спросить его кое-что. Поскольку Цэнь Цзибай был пьян, утром он, вероятно, ничего не вспомнит. Поэтому Линь Цзинь не удержался и спросил:

— Ты... ты... любишь саньгэ? Любишь?

Подумав, что Цэнь Цзибай, возможно, не поймёт его, он добавил:

— Я знаю, что ты меня любишь, но я говорю о другом... о том...

Линь Цзинь не знал, как описать свои чувства, немного помучился, а затем с раздражением сказал:

— Ну скажи что-нибудь!

Не услышав ответа, Линь Цзинь повернул лицо Цэнь Цзибая к себе и понял, что тот уже спит.

Линь Цзинь с досадой положил Цэнь Цзибая на кровать, щипнул его за щёку, ещё раз щипнул и только тогда успокоился.

Цэнь Цзибай часто видел Линь Цзиня в своих снах — иногда кошмары, иногда приятные сны.

Прошлая жизнь постепенно менялась, и во сне Линь Цзинь часто ездил с ним верхом по горам, обсуждал государственные дела. Поскольку сны были слишком прекрасны, он в них не придерживался строгих правил. То, о чём он не думал в прошлой жизни или не мог сделать, в снах он делал.

Его единственный раз с Линь Цзинем был, когда он был под воздействием зелья. Это чувство

постоянного желания, тело, окутанное теплом... Хотя сон был прекрасен, пробуждение приносило чувство вины. Чем сильнее он желал этого, тем труднее ему было смотреть в глаза Линь Цзиню в реальности, тем больше он боялся его.

<http://bllate.org/book/15933/1424189>